

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Александр ПОТУПА

ГОЛАЯ ПРАВДА
О ГОЛОМ КОРОЛЕ



ББК 84Р7-4

П 64

*Издание подготовлено при участии
литературно-издательского агентства «Эхо».*

Погуна А. С.

Голая правда о голом короле. Немного фантастическая быль. — «Фантаkrim-микро». — Москва: Прометей, 1989. — 32 с.

Фантастическая притча, построенная в форме свидетельского опровержения знаменитой андерсеновской сказки, рассказывает о временах и событиях, касающихся отнюдь не только тридевятых царств...

Для широкого круга читателей.

П $\frac{4702010201-262}{183(2)-89}$ без объявл.

© Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989

ГОЛАЯ ПРАВДА О ГОЛОМ КОРОЛЕ

— Да ведь он голый! — закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

Г. Х. Андерсен. Новое платье короля.

I

Вам нравятся сказки? Конечно, конечно... Я так и думал. А мне — нет!

Почему? А вот потому!

Потому что подлинности в них не хватает и ответственности тоже. И оттого переполнены они всякими домыслами и соображениями, весьма оскорбительными для верноподданного жителя тридевятого королевства.

Что в сказках хорошего? Сами посмотрите.

Во-первых, сплошные выдумки — никакого представления о движущих пружинах истории. Как будто эти пружины ни разу не хлопали сказочников по лбу или по иному месту, отведенному для ускоренного внушения правильных мыслей. Возьмите, к примеру, ту же самую историю тридевятого королевства. Чего только здесь не напелли! И люди, видите ли, квелые, и король какой-то не такой — все привилегии родственничкам и лизоблюдам раздал. Ну и что? А в тридеседьмом лучше, да? Баба-Яга

прогрессивней? Ну и катитесь туда — кто мешает! А мы свое дело и без вас сделаем...

Итак, во-вторых. Во-вторых, слабовато с моралью. Да-да, насчет морали в сказках очень не того. Ищет, скажем, симпатичная, но бедная девчонка принца. Или, наоборот, простецкий парень окопачивает царя-батюшку и прибирает к рукам принцессу с половиной царства в придачу. Опять же — ставит король женихам условие, чтоб разбогатеть или трехглавого дракона пристукнуть, а насчет морального облика будущих зятьев не интересуется. Вот из-за такой агитации и получается потом, что проходимцы троны захватывают и браконьерство процветает. Драконы так совсем повывелись, ни в какой Красной книге их не сыщешь. Но не в драконах дело. Дело в морали, а моралька-то, ежели по честному, с душком...

Короче говоря, слишком уж много в сказках лжи и кое-чего похуже — откровенного сочинительства.

Примеры? Сколько угодно! Сколько душа ваша пожелает!

Вот, скажем, одна история небезызвестного господина Андерсена, да-да, Ганса Христиана, который из Дании. Я имею в виду «Новое платье короля». Конечно, это не единственный случай, я мог бы напомнить и о десятках других. Но о них как-нибудь потом, а пока поговорим о «Новом платье...» Очень уж характерная история. До сих пор не пойму, зачем г-ну Андерсену понадобилось скрывать правду.

Говорите, мог не знать этой правды?

Бросьте, кто ж ее, родимую, не знает! Судите сами...

II

Прежде всего воздадим г-ну Андерсену должное — кое-какую канву реальных событий он в своей истории уловил. Так что и правда там есть. Немного, но есть!

Для начала стоит подчеркнуть, что король, который любил наряды больше всего на свете, — фигура историческая. Он успешно правил небольшой страной Виварией, и звали его Турнис VII.

Верно и то, что на наряды он просаживал добрую треть госбюджета. Г-н Андерсен не приводит этих данных, но тут грех невелик. Фактически средства на гардероб Его Величества выделялись по многим графам государственных расходов, и не мудрено было запутаться. Уточним — деньги тратились не на одного короля, одному ему было бы не так накладно ежечасно облачаться в новое платье. Но, сами понимаете, от него не отставали жена, детки, племянники, двоюродные братья по материнской линии и т. д.

В столице Виварии, славном городе Сан-Поркусе, жилось весело и привольно. Обилие нарядов порождало неисчислимое количество балов, карнавалов, дипломатических приемов, танцевальных конгрессов, не говоря уж о всемирно известном ежегодном симпозиуме «Золотой пояс», почетный президиум которого, по неизменному единодушию участников, возглавлял Турнис VII. Несколько менее весело обстояли дела в провинции. В отдельных деревеньках отдельные люди даже не могли одеться как

следует. Но в целом Вивария процветала, и всякие иноземцы, особенно купцы-мануфактурщики и манекенщицы международного класса, тучами слетались в страну.

Разумеется, среди них попадались и злопыхатели-очернители, но им никогда не удавалось заглушить уверенную поступь Виварии на пути к светлому будущему очередного модного силуэта. Мелькали и проходимцы различных калибров, любители спекулировать изящным импортным камзолом или фирменными панталонами, но этих типов старались отпустить с миром в надежде, что дома они опубликуют теплые воспоминания о безупречном вкусе виварийцев.

Хроники тех времен дружно подтверждают, что однажды в Сан-Поркусе объявились двое портных с отличными рекомендациями из Лондона и Парижа. О рекомендациях, подписанных весьма влиятельными людьми, г-н Андерсен почему-то предпочел не вспоминать. Пусть это не столь уж крупное прегрешение не ляжет пятном на его совесть. Мелочи есть мелочи!

Несмотря на рекомендации, портные очень долго дожидались приема во дворце, и их денежные дела постепенно пришли в полное расстройство. Добиться приличного заказа на королевское платье оказалось ох как непросто! Конкуренция достигла тогда небывалых масштабов, и для заключения хотя бы небольшого договора с Главным управлением королевского гардероба нужно было обладать феноменальной фантазией или обширными связями в Министерстве двора.

Портные, надо сказать, считались очень приличными

мастерами, но по части связей ничего такого не имели. А заработать им хотелось, да еще как!

Ребята они были неглупые, и, услышав о некоторых, разумеется, сугубо временных экономических затруднениях королевства (хозяйство которого слегка подразвалилось, ибо, как вы прекрасно понимаете, даже самые элегантные панталоны кушать не станешь), они решили чуть-чуть сыграть на этих трудностях. Не подумайте только, что они поставили цель нажиться на несчастьях трудолюбивого виварийского народа. Конечно, нет!

Дело в ином. В Виварии, как и в некоторых других местах, борьба с трудностями начиналась с издания королевского указа о назначении Виновного. Нередко борьба этим указом и завершалась, но нас такой обычай ничуть не касается. Тем более, что назначение на должность Виновного ни к каким неприятным последствиям не вело, напротив, можно было хорошенько отдохнуть от исполнения нелегких государственных обязанностей и всерьез заняться улучшением гардероба.

Так вот, хитрые портные решили немного поэксплуатировать виварийскую психологию и действительно объявили, что способны изготовить свехоригинальную одежду, которую не может увидеть глупец и вообще человек, так сказать, служебно не соответствующий.

Смешно думать, что Турпис VII так и поверил портным. Он был далеко не дурак, а главное — таковым не казался. Король рассудил мудро: мол, чем черт не шутит, вдруг у него и вправду появится небывалый костюм, а заодно сыщется истинный дурак в его правительстве, который

и примет на себя всю ответственность за развал экономики.

И уж во всяком случае, не следует считать портных заурядными плутами и обманщиками. Тут г-н Андерсен несколько переборщил. Портные всего-то и хотели пошить нормальную одежду за нормальный гонорар, и разве они заслуживают порицания за то, что не смогли потрафить вкусам Его Величества, крайне изощренным как в смысле модных силуэтов, так и в плане рекомендательных придворных связей. К тому же, нетрудно убедиться, что их невольный обман привел к исключительному процветанию Виварии.

Но простим г-ну Андерсену поверхностную психологическую характеристику короля и портных. Заблудиться в дебрях чужой души может каждый, ведь и в своей собственной это сделать не трудно.

III

Теперь мы приступаем к изложению более важных фактов, и расхождение с трактовкой г-на Андерсена становится более заметным.

Турнис велел выписать портным весьма приличный задаток. Им было отведено огромное служебное помещение в королевском ателье, выделен импортный ткацкий станок, швейные машинки и прочий инвентарь, выдана уйма ниток, иголок, драгоценных шелков, парчи — в общем, все, чего душа пожелает. И это святая правда.

А вот то, что портные стали просто изображать работу, посмеиваясь над глупостью виварийского руководства, — сущие выдумки. На самом деле они были честные ребята, и лишь злые обстоятельства заставили их пообещать больше, чем они могли сделать.

Короче говоря, сначала им очень хотелось отработать аванс, получить еще немного денег на дорогу и поскорее смыться в какую-либо страну попроще. Естественно, Жана (так звали одного из портных) тянуло уехать в родной Париж, а Джека (так звали второго мастера) — нырнуть в милые его сердцу лондонские туманы. Иногда они поговаривали о совместном ателье в какой-нибудь третьей стране. Но все это — пустые фантазии, ибо они не могли покинуть Виварию, не отслужив королю.

Недели две они ломали голову, выдумывая все более невероятные проекты. Наконец, Жан ухватился за отличную идею.

Дело в том, что король был человеком широких интересов. В свободное от примерок время он серьезно увлекался коллекционированием орденов. Выкроив несколько минут, он призывал к себе придворных художников и граверов, и они совместно придумывали новые высокие награды Виварии. Когда все ордена по любому сколь угодно мелкому поводу были придуманы, изготовлены и пущены в оборот, король наградил ими себя, кое-что раздал своим министрам и родственникам и... заскучал.

Впрочем, скука длилась недолго, на смену ей пришла небывалая дипломатическая активность короля. Он стал направо и налево заключать оборонительные и насту-

пательные союзы, раздавать кредиты и просто подарки. Он награждал высшими виварийскими орденами новоявленных друзей и извечных врагов, беглых королей и императорствующих президентов — кого угодно, лишь бы тот был в состоянии проявить ответную вежливость и подписать указ о немедленном награждении Турписа VII. В результате этих операций на короля Виварии обрушился поток иностранных наград. Не имеет значения, например, что Турпис одновременно заключил военные пакты с Антарктической республикой и Сахарской империей, которые непрерывно воевали на протяжении последних пятидесяти лет. Важно, что он почти одновременно получил орден Свободного Айсберга с золотыми пингвинами, который имелся только у президента республики и его двоюродного брата, и Большую Солнечную медаль, которой не было даже у сахарского императора — тот поклялся, что наградит себя только после долгожданной победы. И не так существенно, что после выдачи бессрочного кредита на постройку загородной виллы премьер-министра Подоблачных Островов в Виварии не осталось ни грамма золота на покупку хлеба для нескольких слегка голодающих провинций. Важно, что к камзолу № 2173 очень подходил редчайший орден Голубого Облака. Стоит ли удивляться, что Турпис VII пользовался безграничной любовью министров финансов во всех частях света, — тещерь им не нужно было изобретать новые налоги, они вполне обходились скромными рекомендациями по внедрению новых орденов. И опять-таки, благодаря тонкому

вкусу виварийского короля, небывалых высот достигло граверное искусство...

Но мы здорово отклонились. Возвратимся к нашим портным. Так вот, Жан придумал нечто невиданное — за какой-то месяц они с Джеком сработали для короля единственный в своем роде камзол, на котором тончайшим золотым шитьем были запечатлены все-все ордена и медали, когда-либо полученные Его Величеством. Это выглядело безумно красиво, а главное — практично, ибо общий вес настоящих наград к тому времени составлял ни много ни мало — ровно четыре пуда. Поэтому, натянув по случаю особо важного приема свой Главный Парадный Мундир, бедный Турпис вообще не мог передвигаться самостоятельно. Его вели под руки два специально тренированных чемпиона по тяжелой атлетике. Но все равно приходилось крайне трудно. Хоть плачь — ордена ущемались и держались только на этом мундире, где грудь и спина были специально укреплены и расширены с помощью стальных полосок, и пребывать в подобном одеянии стало слишком мучительно даже для закаленного монарха. Никто во всем мире не страдал из-за собственного хобби так, как он.

Новенький, предельно облегченный, парадный камзол был направлен Его Величеству, и довольные своей хитростью портные стали дожидаться невероятных милостей: золота, должностей, почетных грамот — в общем, всего того, о чем так приятно мечтать, попивая винцо и перекидываясь в картишки.

Ну, у кого поднимется рука швырнуть камень в неопытных плутишек?

Конечно, они допустили ошибку, однако кто из нас застрахован от непонимания королевской логики!

Короче говоря, Турпис зверски осерчал, даже погами затопал от злости. Бедные портные не поняли душу истинного коллекционера. Во-первых, ему подавай подлинник, всякие репродукции, даже золотом шитые, его никак не устраивают. Во-вторых, настоящему коллекционеру в глубине души наплевать на уже собранное, если он лишен возможности приобрести хотя бы еще один новый предмет страсти. А на камзоле — спереди, сзади и даже на рукавах — не оставалось ни малюсенького квадратного миллиметра, чтобы вышить новый орден. Предусмотри портные этот резерв, неизвестно, как бы повернулась история всей Виварии. Но они ничего такого не предусмотрели. Тем самым — улавливаете? — делался тонкий намек, что король не достоин иных высших наград. А это уже дело политическое — такие намеки граничат с государственным преступлением.

Король просиховал всю ночь, пока бригада дежурных историков и художников не представила ему готовый проект нового сногшибательного ордена За Чрезвычайные Услуги. Король немного подумал, переделал Услуги на Заслуги, и к следующему вечеру первый, еще тепленький образец нового ордена был вручен ему в весьма торжественной обстановке. В ответной речи король весьма раздраженно высказался насчет «всяких чужеродных элементов», безуспешно пытающихся подорвать авторитет короны...

Тут-то и наступили главные события, слишком бегло и невнятно описанные г-ном Андерсеном.

IV

К недотепам-портным был направлен старый министр двора, умный, как энциклопедия, и хитрый, как султанский евнух. Его снабдили четкой инструкцией — выяснить, как идут дела у политически безграмотных мастеров, и, если обнаружатся какие-то недоработки по части выполнения основного плана, примерно их наказать. Кроме того, министр нес с собой злополучный камзол и сопроводительную бумагу, где было деликатно указано, что дарить королю изображения его орденов, не упомянув о такой важной награде, как орден За Чрезвычайные Заслуги, по крайней мере, преступно, и при повторении столь оскорбительных действий последует нечто страшное, возможно, и смертная казнь...

Так что г-н Андерсен не прав, утверждая, что король просто побоялся неприятностей с невидимой тканью. У Его Величества не возникло тогда и тени подозрения, что он может чего-то не увидеть.

Когда старый министр граф де Сегнис обозрел пустые станки, он вовсе не удивился. Он давно догадывался, что жалкие портняжки зарвались в своем энтузиазме и ничего такого необычного у них не выйдет. Он отлично понимал, что нарядный камзол с вышитыми орденами стал неявной мольбой о почетной капитуляции. Он был

умел и чертовски искушен в человеческих отношениях, этот старый министр двора. И предчувствовал, что вся его задача сведется к единственному — выбрать разумное наказание для Жана и Джека. И может быть, светлым краешком своей изъеденной дворцовыми интригами души он даже жалел этих гастролеров-неудачников.

Вот как на самом деле выглядел приход доверенного королевского министра к портным.

Прочитав сопроводительную бумагу и развернув пакет с парадным камзолом, Жан понял, что его песенка счета: Парижа ему не видать, денег тоже, а удержится ли голова на плечах — опять-таки большой вопрос.

Но, к счастью, Джек сохранил хладнокровие.

— Это недоразумение, — спокойно сказал он министру. — Ведь камзол с вышитыми орденами мы просто подарили Его Величеству, чтобы он убедился, как ловко мы умеем работать на отходах...

— На каких отходах? — удивился министр.

— Простите за оговорку, ваше сиятельство, — равнодушно продолжал Джек. — Пусть не на отходах, а на сэкономленном сырье, какая разница? Главное, чтобы королю понравилось. Извольте поглядеть, ваше сиятельство!

И Джек широким взмахом руки пригласил министра подойти поближе к надраенному до блеска и, конечно же, совершенно пустому импортному станку.

— Не беспокойтесь, ваше сиятельство, — сказал он, — сейчас ткань наша столь тонка, что издали даже умнейшие из умных ничего не могут увидеть.

— Но я-то вижу... — внезапно обронил министр.

Эта реплика вырвалась у старика как-то сама собой, без всякого контроля со стороны мозга. Простенькая ловушка захлопнулась. Несколько случайных слов решили судьбу портных, министра, короля и даже всей Виварии. Но об этом попозже. А пока — представьте себе эту колоритнейшую сцену: ошарашенный министр, который только что стал умнее всех умных, и торжествующие портные, которых мгновение назад лишь несколько шагов отделяло от виселицы.

— О-о!.. — хором воскликнули Жан и Джек, склоняясь в почтительном поклоне.

«А, черт с ними! — подумал старый придворный. — Стоит мне не увидеть эту дурацкую ткань, как герцог Рудис немедленно примется ее нахваливать, всячески унижая мое достоинство. Эта грубая скотина давно под меня копает, и все из-за того, что я урезал каких-то полмиллиона на обновление его гардероба. А откуда мне было взять эти деньги, если и Его Величеству скоро придется по два часа пребывать в одних и тех же панталонах? Черт с ними! Пусть король сам расхлебывает кашу...»

С тем он и удалился, однако расцветку ткани на пустом станке одобрил.

Узнав о результатах этого визита, король пришел в восторг — ведь он вот-вот должен стать обладателем уникального костюма. И все-таки какой-то стомиллионной долей души Туррис VII не мог поверить своему счастью. Тогда он решил послать в мастерскую кого-нибудь,

скажем так, не слишком опасавшегося графа де Сегниса. Проверка никогда не помешает!

Собственно, главная цель короля заключалась теперь в ином. Разве нуждается в проверке то, во что очень хочется верить? Так вот, король хотел, чтобы портные как следует приготовились к его личному визиту и вообще поторопились. Поэтому в мастерскую был командирован герцог Рудис, известный своими оппозиционными настроениями.

В этих настроениях многое заключено, и зря г-н Андерсен не упомянул о них, зря! Впрочем, он и о герцоге не сказал ни слова.

Начнем с того, что Рудис занимал должность не рядового, а Великого герцога, то есть при случае вполне мог претендовать на теплое местечко своего двоюродного брата. Но король был лишь на пару лет старше Рудиса и едва разменял восьмой десяток. Так что претензии Великого герцога на трон (при учете неуклонно растущего долголетия виварийцев и длинной очереди на престол, состоящей исключительно из деток Турписа VII) выглядели весьма эфемерно.

Не желая смириться с этой неоглядной очередью, герцог Рудис неустанно фрондировал. Дошло до того, что он стал носить воротник на целый дециметр длиннее королевского. Безобразно интригуя, он сумел недорого прикупить единственный экземпляр ордена За Борьбу с Тиранией, завалившийся у одного из давно забытых вождей расформированного африканского племени. И этого ордена не было у Его Величества. Так что наплевательское

отношение к чести родины стало воистину определяющей чертой герцогского характера.

В общем, у герцога Рудиса было столько оснований для вражды с королем и королевскими министрами, что мудрейший Турпис, ни минуты не колеблясь, избрал своего двоюродного братца для окончательной оценки творчества портных.

Граф де Сегнис сразу же понял, что готовится опаснейший визит, и не стал терять времени. За какие-то сутки весь Сан-Поркус, а потом и вся Вивария заговорили о необычайной ткани. И на портных заработала величайшая из незримых сил природы — общественное мнение.

V

Краткий рассказ о посещении мастерской Великим герцогом нельзя не предварить замечанием, что наши с гномом Андерсеном пути расходятся еще дальше. Мы движемся по дороге правды, чистейшей, как слеза голодного ребенка, тогда как бесконечные умалчивания великого сказочника вообще никуда не ведут, во всяком случае, не позволяют понять самый загадочный зигзаг мировой истории, именуемый «виварийским чудом». Но это вы и сами когда-нибудь осознаёте, а пока возвратимся к герцогу, переступившему порог королевского ателье.

Переступив указанный порог, Рудис сразу же сообразил, что европейские мастера — грандиозные авантюристы. Объяснения бойкого Жана и прочие восторги по поводу

качества невидимой ткани он попросту пропустил мимо ушей. Он стоял посреди мастерской, и на губах его играла плотоядная усмешка, что однозначно указывало на напряженную работу мысли в опасном направлении — кому и как можно устроить пакость в связи с работой этих очаровательных лгунишек.

Подчеркиваю — Великий герцог ни на минуту не усомнился в правдивости собственных глаз. И если на его лице отражались какие-то переживания и внутренняя борьба, то они отнюдь не касались философских проблем типа: «Существует ли нечто вне наших ощущений?» или «Дурак ли я, и если нет, то почему не вижу ткани?»

Просто за несколько минут созерцания пустого станка Рудис совершенно достоверно вычислил, что начинать открытую войну против министра двора, обвинив его в государственной измене, нецелесообразно. Тем более, что только вчера министр ни с того ни с сего прислал любезное письмо, из которого следовало, что вопрос о дополнительной субсидии в полмиллиона будет рассмотрен соответствующими инстанциями снова и на этот раз решен положительно.

Зато Великий герцог сделал важнейшее открытие — он понял, что если признать ткань существующей, то из нее рано или поздно будет пошит столь же наблюдаемый костюм, а новый костюм король непременно должен использовать...

«Ха-ха! Вот будет потеха, — думал герцог. — Да я бы сам никаких денег не пожалел, чтобы устроить такую шутку

и прогнать его дряхлое величество голышом по всему Сан-Поркусу. А тут задаром...»

Герцог вычислил бы и еще немало полезных вещей, но в этот момент он почувствовал столь сильное умственное перенапряжение, что решил пожалеть себя и свою многочисленную семью.

Он громогласно расхвалил ткань и даже по свойственному ему фрондерскому демократизму прихватил как бы в подарок симпатичный златотканый кафтан в стиле «а ля Рюс», который бедные портные, мучаясь бездельем, опять-таки сочинили из сэкономленного сырья. Наноследок герцог велел поторопиться и побыстрее перейти к изготовлению костюма.

После сообщения Рудиса Его Величество окончательно уверовал в свою звезду и приказал собрать подобающую свиту для самоличного посещения мастерской.

Поднаторевшие в придворной политике портные не ударили лицом в грязь. Когда король вперила ошалевший взгляд в совершенно пустое пространство, окутывающее станок, Жан и Джек хором сказали:

— Ваше Величество, мы приготовили для вас сюрприз — ткань полностью готова.

У бедяги-короля отнялся язык, а придворные, перебывая друг друга, поспешили огласить воздух хвалебными воплями и восторженными причмокиваниями.

Король стоял и горестно размышлял: «Я не слишком глуп, но не пришла ли пора подавать по собственному желанию? Неужели это неизбежно в судьбе монархов — никогда не видеть того, что доступно любому подданному?»

В общем, сбывалось то, чего так опасалась одна стомиллионная доля его души.

— Да-да, недурно, — пробормотал он.

Но тут выступил вперед его злой гений в образе двоюродного брата.

— Ваше Величество, из предварительной беседы с портными я понял, что им хватит ткани не только на костюм, но и на отличное нижнее белье, — выпалил он и добавил, метнув грозный взгляд на притихших мастеров: — Не так ли, милейшие?

— Т-так, — выдавил из себя Жан.

— А не выкроите ли вы и платье для Ее Величества, нашей очаровательной королевы Профузии? — не успокаивался герцог.

Это было уже слишком. Нервы впечатлительного Жана не выдержали, он словно окаменел. Зато невозмутимый Джек оказался на высоте.

— Никак нет, ваше высочество, — отбил он атаку Рудиса. — Платье для королевы не получится, необходимо изготовить еще несколько метров ткани.

Герцог и сам почувствовал, что перегнул палку, однако поспешил тут же закрепить одно из своих завоеваний.

— Итак, господа портные, вы немедленно изготовите полный королевский костюм, мантию и, разумеется, тончайшее белье, — торжественно провозгласил он. — Но не тяните, ибо через три дня состоится торжественное шествие по Сан-Поркусу, и мы немедленно объявим, что король будет одет в уникальное платье отечественного производства.

— П-позвольте, ваше высочество...— вступился граф де Сегнис, делая слабую попытку защитить интересы своего монарха.

— Не позволю! — зарычал герцог Рудис.— Неужели вам жалко выписать этим славным парням лишнюю сотню золотых, чтобы король был одет как следует!

И придворные вежливо зааплодировали словам герцога и величественному молчанию короля. Потом они негромко прокричали: «Виват!»

Официальные историки Виварии считают, что именно от этого приветственного клича и произошло название их процветающего государства. Они утверждают, что этим возгласом встретили древние виварийцы приход к власти основателя династии Турписов, и это приветствие якобы заимствовали древние римляне. Реакционные зарубежные ученые не разделяют эту точку зрения, спекулируя на некотором промежутке между гибелью Римской империи и рождением Турписа I, но у нас нет ни места, ни терпения для опровержения всяких антививарийских домыслов...

Как бы то ни было, герцог Рудис сотрясался от внутреннего хохота, король чуть не плакал, а очаровательная Профузия громче всех выкрикивала национальное приветствие, крепче и крепче сжимая слабое плечико своего маленького правнучка и пьянея от чувства признательности к храброму Джеку, отстаившему ее честь.

«Какой кошмар», — думал граф де Сегнис.

«Так-так... Тут что-то есть, что-то есть, — рассуждал про себя министр внутренних дел маркиз де Суавис.—

Конечно, перепадет мне работенки в связи с этим шествием, но здесь просматривается нечто небывалое...»

Кстати, уважаемый маркиз — весьма важный персонаж этой (да и вообще всей виварийской) истории. Не сказав о нем ни слова, г-н Андерсен полностью лишил свою хронику какого-либо научного интереса.

Вечером того же дня Королевский Совет Виварии единодушно утвердил закон, согласно которому во время церемонии шествия король будет одет в новый наряд, укрепляя тем самым международный авторитет страны.

Возможно, у вас возник вопрос — из-за чего, собственно, весь сыр-бор? Подумаешь, опустил г-н Андерсен некоторые детали... Так ведь подумать-то следует, ибо из этих некоторых деталей самое важное и выстраивается. Смотрите сами!

VI

Король погоревал-погоревал и, отыскав хитрый план проверки собственного зрения, немного успокоился. Утром того дня, на который была назначена церемония, он велел доставить новую одежду в Золотую Примерочную — главный зал дворца.

Портным предоставили почетное право собственноручно облачить Его Величество в невидимое белье, невидимые панталоны, невидимый камзол. Мастера отнеслись к этому делу со всей серьезностью, а Жан даже не удержался от замечания:

— Ваше Величество, вы попали рукой мимо рукавчика. Стояло лето, и король не ощущал холода, разве что легкий внутренний озноб. Казалось, ему все уже безразлично.

«Слава Богу, не придется идти босиком», — радовался Турнис VII.

Башмаки он выбрал вполне солидные — на толстой подошве и с бриллиантовыми пряжками. Корона тоже не блистала оригинальностью, была зрима и весьма осязаема, то есть удовлетворяла всем требованиям, которые способен предъявить к короне самый придирчивый монарх.

«Хорошо еще, — думал Турнис, — что эти умники не изобрели корону из невидимого металла. Впрочем, такая корона очень соответствовала бы духу времени...»

Эта исторически достоверная мысль короля доказывает, что великие открытия не возникают случайно в форме озарения гениального одиночки. Они носятся в воздухе и мгновенными отблесками скользят в извилинах самых разных людей. Вот и сейчас Его Величество был бесконечно близок к формулировке идеи, прославившей впоследствии маркиза де Суависа. Впрочем, я думаю, королям не подобает делать великие открытия. Это неприлично. Для этого есть подданные.

Внезапно Турнис оживился и, делая вид, что обтягивает камзол, небрежно произнес:

— Ордена!

— Ордена...ордена Его Величества...награды короля... — понеслось по залам дворца.

Вкатили золоченую тележку. Король потребовал приколоть к камзолу орден За Чрезвычайные Заслуги. Началась небольшая паника. Камергеры занервничали — не прикалывать же орден к голой груди. С другой стороны, считать грудь голой — равносильно служебному несоответствию...

Но Джек и тут не потерял присутствия духа.

— Ваше Величество, — сказал он, — эта ткань слишком нежна, чтобы выдержать ваш великолепный орден. Прикажите принести вашу замечательную орденскую ленту.

— Но кому нужен камзол, к которому нельзя прикрепить даже один небольшой орден? — вознегодовал Турпис.

Тут и у Джека не выдержали нервы, а Жан успел трижды попроститься с головой.

— Искусство требует жертв, Ваше Величество, — сквозь зубы процедил герцог Рудис, серьезно опасаясь за судьбу столь тщательно подготовленного представления.

За какое-то неуловимое мгновение герцог перебрал добрый десяток спасительных идей, но ни одна из них не смогла бы поколебать короля. И тогда Рудис пошел с козырного туза, наглядно демонстрируя свой тезис о жертвах ради искусства.

— Тем более, Ваше Величество, — с глубоким вздохом произнес он, — тем более, что вы не захотите отказать мне в великой милости и прикрепите к своей ленте еще один орден — За Борьбу с Тиранией. Этот орден по праву принадлежит Виварии, а значит, вам.

Неотразимый удар! Мятеж короля был подавлен начисто. Его сердце и взор переполнились такой могучей вол-

ной благодарности, что герцог Рудис не без оснований поздравил себя с крупной победой. Опыт подсказывал, что теперь граф де Сегнис получит приказ выписать на герцогский гардероб не менее миллиона. Стоящее дело!

— Ленту Его Величества! — рявкнул герцог.

— Позвольте, позвольте, — засуетился король, — я полагаю, что ленту следует сделать из того же материала...

— У нас больше нет ни клочка ткани, — хором ответили портные, — ни единого лоскутка, Ваше...

— Право же, Ваше Величество, — любезнейшим тоном перебил их герцог Рудис, — мы не можем отложить церемонию. Уверяю вас, лента будет прекрасно сочетаться с этим волшебным костюмом. И представьте себе, как засияет на этой ленте орден За Борьбу с Тиранией!

И тут король капитулировал окончательно. Ему нацепили ленту, на ленту — два ордена, и церемониальное шествие началось. Король понуро проследовал во двор, слегка прикрываясь ладошками от ехидных взглядов очаровательных фрейлин. Там его поместили под роскошный балдахин, и процессия двинулась в город.

Разумеется, народ ахнул и онемел. Народ, он, конечно, все повидал, был мудр глубинной народной мудростью и терпелив безграничным народным терпением. И потому народный «ах» от удивления было не трудно принять за народный «ах» от восторга.

И все-таки, увидев Его Величество в башмаках, орденской ленте и короне, многоопытный народ онемел. Тем более, что по древнему обычаю король нес в одной руке небольшой сноп пшеничных колосьев, а в другой —

маленький золотой молоточек. Это символизировало покровительство плодам земли и ремеслам или нечто в этом роде. Молоточек хранился во дворце со времен Турписа I, а свежий сноп по дешевке купили в соседней Ворагории. Но не в этом дело. Дело в том, что у короля были две руки, только две руки и очень впечатлительное и любвеобильное сердце, лишь немного стянутое ожирением...

Короче говоря, не удивительно, что в этот же день из Сан-Поркуса был выставлен один грязный корреспондентик, который пытался телеграфировать в свою не менее грязную газетенку, что в высших кругах Виварии возрождается древнейший фаллический культ.

В этом, как и во многих других событиях торжественного дня, выдающуюся роль сыграл маркиз де Суавис. Могущественный министр внутренних дел очень ловко расставил своих людей, а надо сказать, для него едва ли не все столичные жители были своими людьми. Впрочем, он пользовался не только услугами, но и взаимностью — едва ли не все жители Сан-Поркуса считали свои дела сугубо внутренними. И потому народ крайне ясно и единодушно выражал свой восторг по поводу нового платья короля. Удивление и немота длились очень недолго.

Вот теперь-то мы и подошли к главному событию этой истории, о котором так поверхностно и без должной принципиальной оценки упомянуто в хронике г-на Андерсена.

VII

Короли — люди занятые, им недосуг разгуливать по городу со всякими символами в руках. На такой подвиг их может толкнуть только очень серьезная причина. Разумеется, Турпис VII не стал бы тратить драгоценное время, но обычай есть обычай. В этот день обычай предписывал королю пройти мимо своих подданных, зато в другие праздничные дни подданные были обязаны с радостными восклицаниями шествовать мимо Его Величества.

Чем же отличался праздник, в честь которого Турпису пришлось голым пройти по Сан-Поркусу? Не сказав об этом ни слова, г-н Андерсен не мог дать почувствовать и особую окраску всех дальнейших событий. А такая окраска имела. Судите сами!

День церемониального шествия и поныне является главным национальным праздником Виварии, ибо когда-то именно в этот день к власти пришел основатель династии Турписов, и с тех пор народу не оставалось ничего другого, как радоваться свершившемуся. Тогда малоизвестный, но уже отмеченный многими добродетелями г-н Турпис прошел по городу, держа в одной руке здоровенную вязанку хвороста, а в другой — огромную кувалду. Хотя он со своими людьми шел в королевский дворец, чтобы изложить старому королю свои законные требования — не более того! — дворец почему-то загорелся, и вместо изложения само собой получилось низложение. Превратившись в Турписа I, основатель великой династии так обрадовался, что первым делом повелел считать указан-

ный день всенародным праздником, и вот уже седьмое поколение правителей Виварии свято соблюдало завет своего предка.

Разумеется, за столько лет кое-какие детали церемонии изменились или приобрели иной смысл, но стоит ли обращать внимание на мелочи!

Другое дело — народное настроение. Вот на него-то как раз обращалось самое серьезное внимание. В таких вопросах нет мелочей. Именно под этим углом и следует рассматривать следующее событие.

Когда до возвращения во дворец оставалось каких-нибудь три квартала, один малолетний хулиган выкрикнул знаменитые слова:

— А король-то голый!

В восторженном повизгивании толпы эти слова прозвучали, как взрыв. Надо отметить, что первым отреагировал на нелепую выходку отец хулигана — он влепил своему сыну увесистый подзатыльник, и кошмарное дитя сразу успокоилось.

Конечно, не было и речи о том, чтобы вполне благонамеренный несчастный родитель стал распространять среди людей вздорную идею своего отпрыска. Упаси Бог!

И тут г-н Андерсен совсем заговорился. На слова своего сына уважаемый житель Сан-Поркуса сослаться не мог и уж никак не мог называть своего выродка невинным младенцем. А что касается криков всего народа — это даже смешно. Подумайте сами, станет ли кричать, называя вещи своими именами, конкретная единица этого самого народа, когда ей бесплатно показывают потрясающий

стриптиз, а с каждого бока стоит штатный или пара внештатных сотрудников маркиза де Суависа? Да плевать хотела единица на сопляка, которому показалось, что наряд короля несколько несовершенен!

В общем, процессия успешно добралась до дворца, и король, забыв о мелком происшествии, ушел отдыхать. Впереди были обед, бал, театральное представление, не говоря уж о двух срочных примерках и страстном желании хоть на минутку уединиться с чудо-орденом За Борьбу с Тиранией.

А маркиз де Суавис возвратился в свой департамент и немедленно затребовал материалы по антививарийскому выступлению гадкого мальчишки. Внимательно перечитав сто семнадцать протоколов допроса свидетелей, он установил, что отец негодяя вел себя вполне прилично и наказания не заслуживает. Поэтому в отношении отца ограничились строгим внушением и строгим режимом изоляции от общественных зрелищ.

К вечеру маркиз де Суавис потребовал, чтобы дерзкого щенка доставили из подземелья. Мальчишка был голоден и жалобно скулил.

— Ты что там кричал, поганец? — зловещим шепотом спросил Суавис.

— Дяденька, я не хотел, я больше не буду, — захныкал мальчишка. — Дяденька, он же и взаправду голым был...

— Что? Так ты еще и настаиваешь на своем, — взревел всемогущий министр. — Ну, погоди у меня!

И мальчишка погодил, точнее, угодил... На следующий день он был отправлен в приют Святой Маднессы, где

исцеляли виварийцев, страдающих некоторыми сдвигами в ту или иную сторону. Вышел он оттуда через много лет, полностью исцеленный. При этом особенно трогательно то, что именно маркиз де Суавис помог юноше с некоторыми дефектами зрения, речи и умственного развития как следует трудоустроиться.

На этом можно было бы и закончить нашу правдивую хронику виварийских событий, связанных с так называемым голым королем. Подчеркиваю, правдивую хронику, а не те фантазии, которыми так щедро одарил нас г-н Андерсен.

Однако историческая справедливость требует сказать несколько слов о талантливых портных. Люди маркиза де Суависа поймали их как раз в тот момент, когда они пытались скрыться из Сан-Поркуса, воспользовавшись праздничной суматохой.

На нескольких дружеских беседах (впоследствии неблагоприятные портняжки назовут их допросами третьей степени) министр попытался выяснить суть их передового метода работы. Убедившись, что никаких производственных секретов эти ребята не имеют, маркиз отпустил их с миром и даже добавил сверху, к королевским гонорарам, по небольшому кошельку с золотом. Это позволило Жану и Джеку отдохнуть годик-другой после посещения гостеприимной Виварии, а Жап даже вставил себе отличную новую челюсть, куда лучше естественной.

Что же касается маркиза, то он, не теряя времени, настрочил докладную записку на имя короля. В записке всячески расхваливались портные и делалось прямое заяв-

ление о необходимости выращивать собственные кадры таких же умельцев. Читая докладную записку, Его Величество на мгновение вспомнил свою идею о создании невидимой короны и порадовался от всей души тому, что у него такие способные помощники, умеющие на лету ухватить королевский замысел.

Такова история появления в славной Виварии королевского хлеба, королевской колбасы, королевских дорог, королевской литературы и прочих признаков процветания. Так родилось «виварийское чудо», которое до сих пор не могут объяснить историки, поэты и футурологи. Между тем, как видите, все очень просто. Впрочем, это уже совсем другая история.

Вот я и спрашиваю: правятся ли вам сказки? И вообще, стоит ли всякую всячину понарошке придумывать, когда в подлинности все гораздо интересней и поучительней?

Минск, 1982

Литературно-художественное издание
(Фантакрим-микро. Фантастика, приключения, детектив)

Александр Потупа

ГОЛАЯ ПРАВДА О ГОЛОМ КОРОЛЕ
Немного фантастическая быль

Составление выпусков «Фантакрим-микро»

М. И. Андрюшкин

Редактор выпуска

И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование

С. В. Баленок

Координатор выпуска

Д. В. Крымов

Сдано в набор 18.07.89. Подписано в печать 4.09.89. Л 17331. Формат 60×90^{1/32}. Бумага офс. Гарнитура тип «Таймс». Печать офс. Усл. печ. л. 1. Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 105 тыс. экз. Заказ 1127. Цена 30 коп.

Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 119048, г. Москва,
ул. Усачева, 64.

Набрано в типографии им. Ф. Скорины издательства «Наука и техника»,
220072, Минск, Ленинский проспект, 68.

Отпечатано в типографии Управления делами Совета Министров БССР,
220010, Минск, Советская, 11.